

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

П. П. Марченя

Изучение массового сознания
революционной эпохи 1917 г. в
отечественной исторической науке

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/March_izuch_mass.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

П.П. Марченя

ИЗУЧЕНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ 1917 г.
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Статья посвящена проблеме изучения масс и массового сознания как одной из актуальнейших задач исторической науки. Ряд связанных с поставленной проблемой теоретических и практических вопросов анализируется на примере исследования места и роли массового сознания в российских революциях Февраля и Октября 1917 г. Предложены принципиально значимые положения авторского прочтения данной темы, опирающегося на значительный комплекс источников и литературы. Массовое сознание рассматривается как доминантный фактор политической истории России в 1917 г., вне осмысления которого невозможно постичь логику русской революции.

Ключевые слова: массовое сознание, массы, русская революция, смута, Февраль 1917, Октябрь 1917, политические партии.

Сложно подобрать словосочетание, способное по концептуальной значимости и частоте употребления в современных социальных науках конкурировать с понятием «массовое сознание». Еще сложнее выбрать тему, столь же актуальную при изучении «переходных периодов» («смутных времен», «революционных эпох», «перестроек», «распадов и возрождений») отечественной истории. Проблема их осмысления вряд ли утратит остроту в обозримом будущем нашей страны, переживающей пресловутые «переходы» с уже не удивляющим постоянством. Любой «исторический выбор пути» становится действительно историческим, когда он признается массами, получает поддержку в массовом сознании. И напротив, те политические силы, которые пытаются претворять в историю идеи и ценности, не адаптируя их к реалиям массового сознания, сами лишают себя исторического будущего.

© Марченя П.П., 2009

Поэтому в период серьезных качественных трансформаций в обществе в центре внимания всегда находится массовое сознание – и как арена борьбы идеологий за массы, и как критерий реальной жизнеспособности и эффективности исторических альтернатив.

Однако в течение долгого времени историки избегали категории «массовое сознание», воспринимавшейся ими «не своей», а скорее психологической, философской, культурологической или социологической. Лишь сравнительно недавно вопросы, связанные с изучением массового сознания, стали осознаваться отечественными историками в качестве «собственной» специальной исследовательской проблемы. Характерным показателем можно считать рост числа соответствующих диссертационных исследований именно по отечественной истории. Так, только по специальности 07.00.02 в постсоветской исторической науке *непосредственно* теме посвящен ряд докторских¹ и кандидатских². И это только те диссертации, где предмет недвусмысленно обозначен в заглавии (чаще в названиях исследований *массового сознания* это словосочетание отсутствует³).

Трудности, с которыми сталкиваются авторы подобных исследований, в значительной мере обусловлены теоретической сложностью интерпретации самих концептов «массы» и «массовое сознание» как в отечественной, так и в зарубежной науке. Как сформулировал в 1987 г. Б.А. Грушин, «...жесткая связь с различными концепциями “массового общества” – этими типичнейшими образчиками современных *science fictions*... – отразилась на судьбе изучения массового сознания самым пагубным образом. С одной стороны, она воздвигла перед буржуазными исследователями всех направлений непреодолимые препятствия для строго объективного анализа рассматриваемого явления, раскрытия его действительной природы, подлинных механизмов возникновения и функционирования, фактических свойств и роли в жизни общества. С другой – вокруг проблемы массового сознания оказалось нагромождено великое множество всякого “теоретического” и идеологического вздора, разного рода обывательской чепухи, оформленной в виде научных рассуждений»⁴.

В последней четверти XX в. происходил пересмотр теорий, объяснявших социальные отношения в контексте возрастания роли масс, но оценивавших этот процесс как преимущественно патологический. В современной науке доминирует тенденция рассмотрения масс как одной из естественных общностей, отличающейся специфичностью функциональных характеристик⁵. Под «массами» понимаются неструктурированные общности людей, принципиально отличные от групп, так или иначе организованных

и структурированных. Массы выступают как временные, функциональные общности, разнородные по составу, но объединенные значимостью переживаний входящих в них людей. Ситуативно возникающая общность переживаний в массе более важна, чем параметры приобщения к «классическим» группам. Массы меняют поведение входящих в нее людей, стирая индивидуальные различия и трансформируя, нивелируя всю индивидуальную психику. Утрачивая личную (личностную) ответственность за свои действия, соглашаясь стать частью целого («сливаясь с толпой», «растворяясь в массе»), взамен индивид обретает ощущение всемогущества и безответственности. Механизмами психологического влияния массы на индивида являются заражение (циркулярная реакция, эмоциональное «кружение»), подражание и внушение (суггестия). Подмечено, что «суггестия более властна над группой людей, чем над одиночкой, а также если исходит от человека, как-то олицетворяющего группу, общество и т. п., или от непосредственных словесных воздействий группы людей (возгласы толпы, хор и т. п.)»⁶. На фоне «заражения» массы суггестивное влияние на нее оказывают («движут массой», «ведут толпу») лидеры, на роль которых выдвигаются, как правило, лишь люди особого психологического склада – «вожаки».

Вожаки и массы не играют заметной роли в стабильном социуме. Они выходят на первый план, когда рушатся групповые связи и межгрупповые границы, когда общество деструктурируется, дестратифицируется, «перемешивается», переживая период своеобразного «социотрясения». Такое происходит при всевозможных социальных катаклизмах (войны, революции, перевороты, системные кризисы, поспешные крупномасштабные реформы и прочие «великие перемены»). «Массы» есть категория кризисного общества и «смутного» времени. Для анализа стабильного общества адекватны более привычные понятия социального знания (группы, страты, классы, слои). Вот почему Ленин, например, активно использовал понятие «массы» для анализа революционного периода, но применял иные категории, рассматривая стабильное (дореволюционная монархия) или стабилизирующееся (после утверждения большевиков у власти) общество. В «нормальном» обществе в сознании образующих его людей существуют относительно четкие психологические границы, возникающие в связи с принадлежностью людей к устойчивым социальным группам. Каждый знает свою «территорию», сознает «социальную межу» и редко нарушает исторически сложившиеся в социуме демаркационные линии. Однако стоит случиться масштабному потрясению («социальному взрыву»), как эти границы рушатся. Тогда люди сбиваются в спонтанно

возникающие множества, а их психика и поведение приобретают массовый – дезорганизованный, стихийный – характер.

Таким образом, *массы* суть носители особого *сознания*. Именно в наличии специфического, коллективного, самопорождающегося, неорганизованного и плохо структурированного – *массового* – сознания и заключается главное отличие масс от классически выделяемых социальных групп. Массовое сознание признают обыденной разновидностью (ситуативно активизирующейся ипостасью) общественного сознания, наиболее реальной и конкретной формой его практического существования, психически объединяющей представителей разных групп общими переживаниями. Такие переживания возникают при особых обстоятельствах и значимы настолько, что приобретают надгрупповой характер. Следовательно, массовое сознание определяется как совпадение (совмещение или пересечение) наиболее значимых компонентов сознания большого числа разнообразных «классических» групп общества, однако вовсе не сводится к ним. Это – новое качество, возникающее из совпадения (и, как правило, обострения, социальной гипертрофии) отдельных фрагментов психологии деструктурированных групп.

Массовое сознание отличает: 1) общесоциальная, а не только групповая типичность всех образующих его компонентов; 2) их общесоциальное признание, санкционированность той или иной массовой общностью. Поэтому массовое сознание представляет надиндивидуальное и надгрупповое по содержанию, однако индивидуальное по форме функционирования сознание. Хотя оно формально и реализуется в массе индивидуальных сознаний, но по смыслу не совпадает с каждым из них в отдельности. Причем для его зарождения и функционирования не обязательно наличие совместной деятельности членов общности, что традиционно принято считать непременным условием появления классических вариантов группового сознания.

Действенным проявлением массового сознания является *массовое поведение*, однако не всякое, а в основном стихийное – неорганизованное, но одинаковое и относительно необычное внегрупповое поведение значительных общностей, ситуативное и временное, связанное с исключительными обстоятельствами. Хрестоматийными примерами стихийного массового поведения являются агрессия или паника в периоды войн и бунтов. Массовое поведение зависит от того, какой из двух уровней (эмоционально-действенный или рациональный) возобладает в массовом сознании. В зависимости от этого оно будет более или менее стихийным или поддающимся управлению. Поведение масс зависит и от эффективности (объема и качества) внешнего воздействия, оказываемого

на массовое сознание. В принципе до определенных моментов сознание масс (и, соответственно, массовое поведение) податливо решительному внешнему воздействию. Развитие массового сознания зависит от масштаба охвата людей общими психическими состояниями, определяемыми социально-политическими и социокультурными причинами. Созревая первоначально в рамках традиционно выделяемых групп, отдельные компоненты массового сознания распространяются подобно эпидемии, «заражая» представителей иных групп и слоев общества, тем самым увеличивая массу, причем иногда в геометрической прогрессии, лавинообразно.

Основные свойства и характеристики массового сознания описаны давно и детально. Оно конкретно, эмоционально, заразительно, мозаично, подвижно и изменчиво, неоднородно и аморфно. Д.В. Ольшанский назвал массовое сознание своего рода внеструктурным «архипелагом» в социально-групповой структуре общественного сознания, имея в виду, что образование это не устойчивое, а как бы «плавающее» в составе более широкого целого. Сегодня этот архипелаг может включать одни острова, но уже завтра – совсем другие⁷. В качестве ведущих макроформ массового сознания выделяют общественное мнение и массовые настроения (не сводимые к традиционно фигурировавшему в советском общественном сознании «общественному настроению»⁸), которые сплачивают массу и опредмечиваются в массовых действиях (вначале иницилируя, а затем и регулируя социально-политическое поведение).

Итак, термин «массовое сознание» (так же как и «массы») используется в современной литературе, в зависимости от контекста, в различных значениях. Обобщая, выделим важнейшие его трактовки: 1) антипод элитарного сознания; 2) антипод специализированного сознания; 3) форма дотеоретического миропонимания, основанная на сходном жизненном опыте людей, включенных в однотипные структуры практической деятельности и занимающих одинаковое место в социальной иерархии; 4) шаблонное, деперсонализированное сознание рядовых граждан развитого индустриального общества, формирующееся под массивным воздействием СМИ и стереотипов массовой культуры; 5) своеобразное «подсознание» общества, аккумулирующее обширный пласт неявных мировоззренческих моделей и сценариев поведения различного происхождения и направленности; 6) сознание, ситуативно (стихийно) производное от общественного сознания (наиболее реальная и конкретная форма его практического существования), психически объединяющее представителей различных классических групп в неклассическую общность, особый субъект социального действия – массу.

Несмотря на полисемантическую и междисциплинарность понятия «массовое сознание», изучение реалий, лежащих в его действительной основе (в том числе и сугубо в исторической форме), является одной из наиболее востребованных задач современной науки.

В целом, характеризуя историографию темы, нельзя не отметить, что в отличие от западных социальных наук наше «доперестроечное» официальное общественное сознание вообще недолюбливало термины «массы» и «массовое сознание». Даже в дореволюционную эпоху оно остерегалось реальных масс и, соответственно, не приветствовало научных размышлений о них. Хотя в период революционных событий начала XX в. и особенно на время их кульминации в 1917 г. «масса» как лексическая единица становится одной из самых популярных в публицистике и политике России. Значительное место принадлежало этому слову и его различным производным в терминологии вождя и основателя советского государства и его соратников. Но, приведя теоретиков и практиков классового подхода к власти, массы вскоре перестали для них существовать – как на практике, так и в теории. Господство *класса* и *классового сознания* привело к фактической «отмене» *масс* и *массового сознания*. Сформировавшаяся на базе классовой идеологии советская общественная наука стала избегать употребления этих понятий. До упомянутого труда Грушина в отечественной литературе нельзя было найти внятных дефиниций «масс» и «массового сознания». По признанию Грушина, «в российской науке на протяжении десятилетий исследования массового сознания сдерживались из-за полной несовместимости этой проблематики с господствующими в обществе идеологическими установками»⁹.

В связи с «перестроечными» изменениями в социалистическом социуме и пересмотром достижений западного общественного сознания времен холодной войны отечественное социально-научное сообщество оказалось перед необходимостью пересмотра отношения к массовому сознанию и как объекту политических манипуляций и научных исследований, и как субъекту исторических преобразований и их общественной оценки. Неудивительно, что быстрее всех откликнулись на новый социальный заказ философы¹⁰. Но уже вскоре, в бесплодных спорах о прошлом и будущем разваливавшейся советской империи, теоретики вынуждены были признать: «Да, сталинизм – это структура, структура бытия какого-то *массового сознания*. Какого же именно? Это вопрос вопросов. Это проблема сугубо современная, актуальнее которой нет, но *решить которую можно только в исторической форме*»¹¹ (Здесь и далее курсив наш. – П. М.).

Злободневность темы на рубеже XX–XXI вв. обусловила появление комплекса отечественной научной литературы, посвященной массовому сознанию: монографических исследований¹², коллективных трудов и сборников¹³, специальных учебных пособий¹⁴, обзоров¹⁵ и т. д. Если публицисты, социологи и политологи использовали концепты масс и массового сознания как универсальный инструмент для анализа и корректировки новых социально-политических реалий постсоветского общества¹⁶, то историки обращали внимание на эту проблему в различных научно-исторических контекстах (этнополитическом¹⁷, социокультурном¹⁸, историографическом¹⁹, методологическом²⁰, конкретно-историческом²¹, наглядно-иллюстративном²², источниковедческом²³, правосознательном²⁴ и т. д.).

Массовое сознание в первую очередь отражает исторические реалии кризисов общества. Известно, что российская история богата на подобные события – возможно, как никакая другая. Но даже на отечественном – перенасыщенном социальными катаклизмами – фоне в качестве особо важного для исторического изучения выделяется период двух революций 1917 г. Массы и массовое сознание этого времени отразили резонанс грандиозных «социопотрясений», когда воедино слились модернизация традиционного общества, кризис Православия, мировая война, гибель монархии, экономическая разруха, тотальная ценностная дезориентация в результате потери «почвы». Восемь месяцев от Февраля к Октябрю сконцентрировали эпохальные исторические пласты: обвал самодержавной системы, попытка установления ранее невиданной в России демократии, крах этой попытки, выразившийся в анархии и охлократии, попытке путча «справа» и установлении диктатуры «слева».

В этот уникальный период массовое сознание оказалось подлинной доминантой глобальных политических событий в России и повлияло на судьбы всего мира. По мнению некоторых свидетелей и исследователей революции, в результате триумфа массового сознания «не Ленин и Троцкий пришли к власти, а сама *масса*, душа которой всегда полнилась анархическими инстинктами»²⁵, ибо действительной силой истории были отнюдь не классы, а массы – и «захват этими “массами” в октябре 1917 года власти и знаменует собою подлинную Революцию»²⁶.

Поэтому в центре внимания настоящей статьи находится не «массовое сознание» вообще, но его значение, роль и место в истории революционной эпохи февраля–октября 1917 г. как специальный предмет конкретно-исторического познания русской революции.

На закате СССР уже наблюдался некоторый всплеск исторического интереса к участию масс в революции, вылившийся в появление редких монографий²⁷ и множества статей²⁸. Провозглашение «демократизации» и «гласности» сделало возможным опубликование отдельных работ западных историков в советской печати²⁹. После анонимного огульного отрицания «псевдонаучных исследований» зарубежных историков вышла серия работ по критическому осмыслению «буржуазной историографии Октября», давших возможность отечественным историкам хотя бы так ознакомиться с соответствующими концепциями и составить собственное мнение по их поводу³⁰. В 1988 г. Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» под руководством П.В. Волобуева провел «круглый стол» историков Октября, где приняли участие Г.Э. Иоффе, Ю.И. Кораблев, В.И. Старцев и другие маститые советские историки. В докладе В.П. Булдакова было подчеркнуто не потерявшее актуальности положение о том, что «развитие революционного сознания масс... заслуживает первостепенного изучения. *Таким образом, без изучения массового сознания революционного народа нельзя ни восстановить глубинную суть событий Октября, ни преодолеть связанный с осмыслением их последствий современный кризис исторического сознания*». В принятой «Комплексной программе» в качестве принципиально значимых направлений исследований были сформулированы, в частности, следующие: «*Революционное сознание и социальная психология народных масс. Социальное творчество масс и роль их собственного политического опыта. Соотношение сознательности и стихийности в движении масс*»³¹.

На сегодняшний день Булдаков заслуженно считается самым крупным специалистом по изучению массового сознания в революции, по психологии (или «психопатологии») «красной смуты»³². По его мнению, недостаточность внимания историков революции к массовому сознанию ее участников привела к тому, что «революционный процесс “обезлюдил” – в смысле не только отсутствия в нем человеческих особей определенного возраста и пола, но и обжитой ими культурной среды». Указывает он и на типичные трудности: «Представляется, что при анализе массового сознания в условиях кризиса Российской империи историк оказывается лишен права выбора: описание патерналистской системы вообще немислимо без анализа “движений души” (вплоть до истерик и психозов) ее подданных. Но как связать свидетельства “маленького человека” с психоментальными изменениями в жизни народов и глобальными их последствиями? Трудно надеяться, с другой стороны, что читатель предпочтет знакомой “истории без людей”

(но с “королями”) заземленную, пусть достоверную, историю “себе подобных”. К тому же впечатляющий “голос революции” в лице всевозможных декретов и резолюций, на который привыкли реагировать историки, как всегда, заглушает невнятный, но мощный “глас народа”, складывающийся из надежд и наветов, подобострастия и бунтарства. Историки в большинстве своем не научились различать многомерности уже известной источниковой базы, не говоря о введении в оборот гигантских пластов документов не политического происхождения, на которые долгое время вообще не обращалось внимания»³³.

Исследованиям масс в революции 1917 г. способствовало проведение ряда представительных научных конференций, издание результатов которых, в свою очередь, стимулировало дальнейший интерес к теме³⁴. Многие публикации современных зарубежных и российских историков о «массах» имеют прямое отношение к поставленной в настоящей статье задаче³⁵. И все же в отечественной историографии истории 1917 г. работ, которые *специально* и *непосредственно* посвящены *массовому сознанию*³⁶, пока не так много, как заслуживает этого сама тема. Хотя в данном случае дело существенно осложняется неоднозначностью терминологии: зачастую вместо понятия «сознание» в том же самом значении используются иные понятия³⁷. По вопросу о степени изученности темы в программной статье В.И. Миллера «Массовое сознание революционной эпохи и психология гражданской войны» утверждалось: «Тема, обозначенная в названии статьи, насколько я знаю, до сего времени не становилась предметом специального исследования³⁸. На протяжении десятилетий, если речь шла о периоде революции и гражданской войны, обычно писали о важнейших событиях этого времени, об их экономических и политических предпосылках и причинах, о влиянии этих событий на жизнь общества, на его экономику, на характер и способы функционирования государственных и партийных учреждений. Вместе с тем обычно обходилась тот факт, что между объективно существовавшими классовыми и групповыми интересами и действиями соответствующих классов и групп лежал (и поныне лежит) “промежуточный компонент” – сознание этих общностей, достаточно сложное по своему составу»³⁹.

Так или иначе, феномен массового сознания в 1917 г. нельзя отнести к числу исчерпавших себя тем. Более того, эту проблему можно считать ключевой для научного осмысления русской революции. Выделим некоторые принципиально значимые положения современного исторического прочтения данной темы⁴⁰.

Масса в условиях безвластия официальных структур в 1917 г. ситуативно все чаще стала выполнять функции фактического

органа власти, прибегая к традиционно свойственным ей методам массового насилия, что привело к стремительному росту погромного движения. История продемонстрировала, как опасно бывает игнорирование «коллективного бессознательного» со стороны «рациональной политики». Как подметил Дж. Рид, «в отношениях между слабым правительством и бунтарски настроенным народом наступает момент, когда каждый акт власти доводит массы до отчаяния, а каждый отказ со стороны власти действовать вызывает презрение по ее адресу»⁴¹. «Элиты» недооценили «массы», и это стало их роковой ошибкой. В сознании масс, разочарованных беспомощностью «демократии» в решении всех важнейших вопросов, развращенных бесправием, утвердившимся по всей стране на фоне «риторического половодья» властей и партийных функционеров, стали безоговорочно доминировать экстремистские настроения. И настроениям этим соответствовали радикальные лозунги большевиков, призывавших к решению всех жгучих вопросов немедленно и насильственно, что находило живейший отклик в психологии уличной толпы. В отличие от аморфных и болтливых соперников, ленинцы не боялись насилия и всячески стремились придать ему *массовый* характер. Сам Ленин откровенно признавал: «Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие *массы* и обеспечивали бы это участие»⁴².

Погромы, охватившие в результате всю «демократическую» Россию и превратившиеся в один «всероссийский погром», самым причудливым образом перемешали прежние социальные группы в «массы». В аналитических обзорах МВД Временного правительства отмечалось, что сами массы начинают уставать от безвластия. Обозначается явная тенденция к сливанию в одну распаленную массу и крестьян, и солдат, и рабочих – *массовое* сознание для этих важнейших групп населения на практике оказалось более значимо, чем «*классовое*»⁴³.

Ни кадеты, ни эсеры, ни меньшевики не сумели согласовать политическое поведение с вырвавшейся на улицы стихией масс. Откладывая меры по решению неотложных проблем, занимавших важнейшее место в сознании большинства, они отдали инициативу большевикам, которые стремились еще более «раскачать» носителей бунтарских настроений. Ленинцы превратили сферу массового сознания в полигон для решающей схватки за власть, а массы – в орудие, способное взломать внешне легитимные структуры. Как пояснял сам Ленин, «победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил... умелом исполь-

зовании... всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе *массового* союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и научном, современном, социализме вообще»⁴⁴. Как отмечают современные историки, «большевизм явился не просто национальной стилизацией марксизма, он был в подлинном смысле слова русским, национальным марксизмом – *не в области интеллектуальной доктрины, но в содержании своего обращенного к автохтонным массам призыва*»⁴⁵.

Анализ динамики массового сознания от Февраля к Октябрю доказывает, что недостаточное внимание к массам со стороны элит спровоцировало органическую реакцию отторжения, в ходе которой консолидирующим началом стал массовый негативизм. Историческая преемственность насильственно, но закономерно была восстановлена традиционализмом, мобилизовавшим массы посредством псевдомодернизированных, но по сути архетипических символов. Не имея опоры в массовом сознании, российская «демократия» осталась партийно-правительственным мифом, идеологической химерой, правовой фикцией – и была сметена стихией масс, инструментализированной большевизмом.

Многие негативные факты жизни российского общества в конце XX – начале XXI в. свидетельствуют, что урок истории начала XX в. Россией в полной мере не усвоен. В этом контексте можно констатировать, что изучение роли масс и массового сознания в революции 1917 г. остается исключительно значимой проблемой российской исторической науки.

Примечания

- ¹ *Козлов Н.Д.* Моральный потенциал народа и массовое общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1996; *Баранова Н.Б.* Власть и воздействие на массовое сознание в тридцатые годы XX века. М., 1997; *Лобачева Г.В.* Монархическая идея в массовом сознании россиян, 1881–1917 годы. Саратов, 1999; *Трифанков Ю.Т.* Формирование массового сознания рабочих Центрального промышленного района России, вторая половина XIX – начало XX в. М., 1999; *Чертищев А.В.* Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны. М., 2007.
- ² *Чертищев А.В.* Деятельность социалистических партий по формированию и развитию массового политического сознания в действующей армии России в годы первой мировой войны. М., 1996; *Бердиев З.П.* Формирование массового сознания советского народа в предвоенные годы, 1936 – июнь 1941 г. Кара-

чаевск, 2000; *Володина Н.А.* Идеологема коллективизма и ее внедрение в массовое сознание в 1930-е гг. Пенза, 2002; *Ломовцев А.И.* Средства массовой информации и их воздействие на массовое сознание в годы Великой Отечественной войны. Пенза, 2002; *Лончинская Л.Я.* Массовое сознание населения уральских областей в годы Великой Отечественной войны: Исторический аспект. Челябинск, 2002; *Мусорина О.А.* Язык как способ воздействия властей на массовое сознание в 1920–30-е гг. Пенза, 2004; *Червякова А.А.* Власовское движение и массовое сознание в годы Великой Отечественной войны. Ростов-н/Д, 2004; *Могило О.Г.* Деятельность властей по воздействию на массовое сознание в послевоенные годы: 1945–1953. Пенза, 2005; *Никитина М.Э.* Идеологемы врага и героя и их внедрение в массовое сознание в годы Великой Отечественной войны. Пенза, 2005; *Пахомов С.А.* Социокультурный портрет предпринимателя периода нэпа и его отражение в пропаганде и массовом сознании. М., 2005; *Шеглов Ю.Н.* Власть и формирование массового сознания на региональном уровне в середине 1960-х – начале 1980-х гг. Пенза, 2005; *Алешина Е.Ю.* Язык в системе воздействия властей на массовое сознание во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. Пенза, 2006; *Шагинян В.В.* Политическая идеология партии большевиков в массовом сознании населения Европейской части России в 1921–1929 гг. М., 2006; *Шагушина А.В.* Массовое сознание российского провинциального пролетариата на рубеже XIX–XX вв. Владимир, 2006.

- ³ Напр., докторские: *Магомедов Р.Р.* Идеи мировой революции во внутренней политике советского руководства и в общественном сознании россиян, 1917–1925 гг. Оренбург, 2000; *Лившин А.Я.* Общественные настроения в Советской России, 1917–1929 гг. М., 2004; *Комаров Д.Е.* Великая Отечественная война: боевые действия, власть, народные массы. М., 2007; кандидатские: *Гурьев А.И.* Система идеологического воздействия на массы в первые годы НЭПА. СПб., 1993; *Ямщиков С.В.* Армейские массы в 1917 г. Тверь, 1995; *Гречухин П.Б.* Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934–1941 гг. Саратов, 1997; *Кузнецов Б.В.* События смутного времени в массовых представлениях современников: «Видения» и «Знамения», их значение в этот период. М., 1997; *Стушняя И.В.* Трансформация общественного сознания в России в феврале–октябре 1917. Ростов-н/Д, 1998; *Журавлева М.Д.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой мировой войны: Общественное сознание и социальное поведение. Саранск, 2001; *Никифоров А.Л.* Феномен вождя в официальной пропаганде и обыденном сознании в 1945–1956 годах. СПб., 2002; *Казанцев А.А.* Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны. Пенза, 2005; *Стругов Г.А.* Государственно-правовое и идеологическое воздействие государственной системы на сознание народа в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2005; *Оборский Е.Ю.* Эволюция общественного сознания на Кубани и Ставрополье в 1917 году. Ставрополь, 2006; *Потапова А.В.* Эволюция общественного сознания крестьян Центрального Черноземья в повседневных условиях новой

- экономической политики. Курск, 2006; *Бойкова Т.Ю.* Общественное сознание ленинградских рабочих в годы предвоенных пятилеток. СПб., 2007.
- 4 *Грушин Б.А.* Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987. С. 12.
  - 5 Здесь и далее при анализе понятия «массовое сознание» используется: *Ольшанский Д.* Политическая психология. СПб., 2002; *Он же.* Психология масс. СПб., 2001; *Он же.* Политико-психологический словарь. М., 2002.
  - 6 *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1971. С. 12.
  - 7 *Ольшанский Д.В.* Психология масс. С. 29.
  - 8 См.: *Ольшанский Д.В.* Массовые настроения переходного времени // Вопросы философии. 1992. № 4. Ср.: *Парыгин Б.Д.* Социальное настроение как объект исторической науки // История и психология. М., 1971.
  - 9 См.: Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 604.
  - 10 См., напр.: *Хачатурян А.Б.* Философский анализ массового сознания – условие духовного обеспечения перестройки // Вопросы философии. 1987. № 9. (Отдельные работы были и ранее: *Гуревич П.С.* Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980; *Соотла Г.А.* Основные тенденции развития массового (стихийного) сознания пролетариата при капитализме. М., 1982; *Диллигенский Г.Г.* Марксизм и проблемы массового сознания // Вопросы философии. 1983. № 11; *Догалаков А.Г.* Массовое сознание: понятие, структура, функции // Актуальные проблемы философской и правовой науки. Алма-Ата, 1984; *Уледов А.К.* Общественная психология и идеология. М., 1985.)
  - 11 *Соловьев Э.Ю.* Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинт-эссенция. М., 1990. С. 163.
  - 12 См.: *Сергиенко П.А.* Массовое политическое сознание: Проблемы формирования и развития. Киев, 1991; *Спивак Д.Л.* Измененные состояния массового сознания. СПб., 1996; *Туманов С.В.* Современная Россия: массовое сознание и массовое поведение. М., 2000; *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. М., 2001.
  - 13 См.: Социальный идеал и массовое сознание: историко-культурное исследование. М., 1992; Структура общества и массовое сознание. М., 1994; Политико-психологические проблемы исследования массового сознания. М., 2002; Массовая коммуникация и массовое сознание. М., 2002; Массовое сознание и массовая культура в России: история и современность. М., 2004.
  - 14 См., напр.: *Крокшинская О.К.* Гражданское общество и массовое сознание: несколько социологических фактов. СПб., 2000; Психология массового сознания. М., 2005.
  - 15 См., напр.: История социалистических идей и стереотипы массового сознания. М., 1990.
  - 16 См., напр.: *Киселев К.В.* Элиты и массы в политическом процессе // Социокультурные проблемы политической власти в России. Екатеринбург, 1993;

- Бойков В.Э., Ожиганов Э.Н. Россия перед парламентскими выборами: ценности массового сознания и политическая дифференциация избирателей // Социология власти. 1999. № 2/3.
- 17 См., напр.: Буховец О.Г. Союз РБ–РФ: Элиты и массовое сознание Беларуси о настоящем и будущем интеграции с Россией. М., 2003.
- 18 Орлов И.Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг. // Новый исторический вестник. 2002. № 6.
- 19 См., напр.: Блуменау С.Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Брянск, 1995; Буховец О.Г. Проблемы массового сознания в революции 1905/07 гг. и парадоксы историографии // Методологические проблемы исторической науки. Минск, 1993.
- 20 См., напр.: Трифанков Ю.Т. Массовое сознание рабочих от зарождения до 1917 г. в курсе истории России. Брянск, 2000.
- 21 См., напр.: Поляков Ю. Почему мы победили?: О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. № 11.
- 22 См., напр.: Великанова О.В. Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2.
- 23 См., напр.: Знаменский О.Н. Дневниковые записи современников о массовом движении и социально-психологической атмосфере в дни Февральской революции в Петрограде // Нарастание революционного кризиса в России в годы первой мировой войны. Л., 1987; Поршинева О.С., Поршинев С.В. К характеристике менталитета народных масс России: Революция 1917 г. в фокусе массового сознания // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. Чебоксары, 1999.
- 24 См., напр.: Марченя П.П. Держава и право в русском сознании // Философия хозяйства. 2006. № 1.
- 25 Цит. по: Германия и русская революция, 1917–1924. М., 2004. С. 87.
- 26 Лукьянов С.С. Революция и власть // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 279.
- 27 См., напр.: Борьба за массы в трех революциях в России. М., 1981; Беляева Г.Ф. Народные массы и личность как объективная сила и субъекты исторического процесса. М., 1985.
- 28 Бугаев Е.И. Ленин, партия, массы // Коммунист Украины. 1984. № 4; Метельков П.Ф. В.И. Ленин и борьба партии за массы в период подготовки социалистической революции // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Вып. 25. Л., 1986; Соколов Р.Н. Рабочий класс, его революционный авангард и массы // Вопросы истории КПСС. 1984. № 11; Баркова Р.С. Партия и массы: диалектика взаимоотношений // Вопросы истории КПСС. 1987. № 3; Бабаева Н.П. Борьба за массы в трех российских революциях // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9; Шитилов Л.А. Октябрь: борьба большевиков за массы и демократизацию страны // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8.
- 29 См., напр.: Рабинович А. Большевики и массы в Октябрьской революции // Вопросы истории. 1988. № 5.

- 30 Булдаков В.П., Скворцова А.Ю. Пролетарские массы и Октябрьская революция: (Анализ современной западной историографии) // История СССР. 1987. № 5; Канищева Н.И. Большевики и массы в Октябре. Трансформация версий западногерманской буржуазной историографии // Вопросы истории КПСС. 1987. № 9; Кувшинов В.А., Луговская Е.П. Большевистская партия и массы в Октябре: критический анализ буржуазной историографии // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11; Скворцова А.Ю. Пролетарские массы и партия большевиков в Великой Октябрьской социалистической революции // Современная буржуазная историография советского общества. М., 1988.
- 31 См.: Россия 1917 год: выбор исторического пути. М., 1989. С. 124, 276.
- 32 См.: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- 33 Булдаков В.П. Октябрь и XX век: теории и источники // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 19, 20.
- 34 См., напр.: Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996.
- 35 См., напр.: Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917–1918 гг. // Анатомия революции...; Цейтлин Р.С., Кургаева Ж.Ю. Социальный подход к проблеме политико-партийной дифференциации масс в 1917 г. // Революция и человек...; Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1996. № 7; Шагинян В.В. Идеология большевизма и массовое сознание // Культурная жизнь юга России. 2006. № 4.
- 36 См.: Абросимова Т.А. Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г. // Анатомия революции...; Миллер В.И. Массовое сознание революционной эпохи и психология гражданской войны // Осторожно, история! М., 1997; Леонов С.В. «Разруха в головах»: К характеристике российского массового сознания в революционную эпоху // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003.
- 37 См., напр.: Менталитет и политическое развитие России. М., 1996; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны. Екатеринбург, 2000. Об опасности тавтологии в связи с этим давно предупреждали некоторые западные авторы (см.: Fitzpatrick S. New Perspectives on the Civil War // Party, State, and Society in the Russian Civil War. Bloomington (Ind.), 1989. P. 11–12). На это же обращал внимание В.П. Булдаков (Красная смута. С. 323, 333).
- 38 Это не совсем так. См., напр.: Емельянова И.А. Революционное правосознание и правотворчество народных масс в период от Февраля к Октябрю 1917 года. Казань, 1967; Тепляшина Е.И. Большевики и формирование революционного сознания масс в канун Октября // Исторический опыт формирования нового политического мышления и современность. М., 1989.

- 39 *Миллер В.И.* Указ. соч. С. 136.
- 40 *Марченя П.П.* Массы и партии в 1917 году: Массовое сознание как доминанта русской революции // Новый исторический вестник. 2008. № 2 (18).
- 41 *Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1987. С. 81.
- 42 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 386.
- 43 ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 47, 52, 151–153.
- 44 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 55.
- 45 *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 51.